

Мотив изгнанничества в лирике Иосифа Бродского

Илина Сиддикова

Преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы

СамГУ им. Ш.Рашидова

+998973912266

ilina.siddikova.1986@gmail.com

Abstract

The poetry of Joseph Brodsky, one of the greatest representatives of Russian literature of the 20th century and a Nobel Prize laureate, is permeated with the motif of exile, which becomes not just a reflection of biographical experience, but a key aesthetic and philosophical category. The article examines various aspects of this motif: personal exile, philosophical understanding of rejection from the Motherland, cultural and ontological break with the familiar world. Particular attention is paid to the transformation of the image of the exile in Brodsky's poetry - from a specific state to a universal experience. Exile appears as a path to spiritual freedom, rethinking of identity and poetic creativity beyond the boundaries of space and time.

Keywords: Poetry, exile, emigration, alienation, motif of exile, cultural identity, lyrical hero, spiritual freedom.

Аннотация

Поэзия Иосифа Бродского, одного из крупнейших представителей русской литературы XX века и лауреата Нобелевской премии, пронизана мотивом изгнанничества, который становится не просто отражением биографического опыта, но ключевой эстетической и философской категорией. В статье рассматриваются различные аспекты этого мотива: личное изгнание, философское осмысление отторжения от Родины, культурный и онтологический разрыв с привычным миром. Особое внимание уделяется трансформации образа изгнанника в поэзии Бродского – от конкретного состояния до универсального опыта. Изгнание предстает как путь к духовной свободе, переосмыслению идентичности и поэтическому творчеству вне границ пространства и времени.

Ключевые слова

Поэзия, изгнание, эмиграция, отчуждение, мотив изгнанничества, культурная идентичность, лирический герой, духовная свобода.

Поэзия Иосифа Бродского (1940–1996), нобелевского лауреата, представляет собой синтез личного и универсального опыта. Изгнание, которое стало судьбоносным событием в его жизни, оказалось не только биографическим фактом, но и важнейшей эстетической категорией. Поэт оказывается «вне» - пространства, времени, языка, культуры – и именно в этом «вне» рождается уникальный поэтический взгляд. Мотив изгнанничества, разлуки с родиной и внутреннего отчуждения является центральным в поэзии Бродского. Он отразил его в разных аспектах: как личное изгнание (вынужденная эмиграция), философскую концепцию изгнанничества как состояния души и размышления о судьбе России.

Среди представителей русской зарубежной литературы едва ли найдётся поэт с такими противоречивыми чувствами к Родине, как у Бродского. С одной стороны, он всегда оставался неразрывно связанным с Россией и её языком. С другой – даже после снятия всех ограничений и многочисленных приглашений, он так и не решился вернуться. В одном из интервью он

откровенно признаётся: «В России похоронено мое сердце, но в те места, где ты пережил любовь, не возвращаются» [Цит. по: 5] В отличие от большинства русских писателей-эмигрантов, Бродский не только сумел приспособиться к жизни в новой стране и овладеть чужим языком, но и добился признания как англоязычный поэт, прозаик и переводчик, став полноправным участником западной культурной элиты.

Тем не менее, несмотря на внешнее благополучие, жизнь в США не принесла Бродскому ощущения обретенной свободы и душевного покоя, а лишь подчеркнула его глубокое одиночество и стала свидетельством полного изгнания из привычной реальности.

Мотив изгнанничества в литературе относится к категории вечных мотивов. Тема изгнания восходит к Ветхому Завету и известна с античных времён, когда появились первые поэты-изгнанники, такие как Гиппонакт и Овидий. В изгнании находился Данте, а Петрарка родился вдали от родины из-за политических обстоятельств.

«В Священном Писании вся история человечества начинается с изгнания, которому предшествовало познание» [4]. С одной стороны этот мотив воспринимается как «утрата рая», с другой стороны в отличие от плена, ссылки, тюрьмы, когда гонимый человек оказывается прикованным к определенной точке пространства, изгнание есть освобождение, обретение внутренней свободы.

Очень часто исследуемый мотив связан с чувством тоски по Родине. «Чтобы вырасти, нужно перестать быть ребенком, чтобы написать сагу о своей стране, нужно быть изгнанным из нее» [4].

Изгнание Бродского из СССР в 1972 году стало переломным моментом. Однако, мотив изгнанничества у Бродского звучит еще задолго до эмиграции. Он начинает привлекать поэта уже в 1961 году. Поэт «неоднократно обращается к архетипу Одиссея, который в его поэзии изгнания имеет свою интерпретацию, отличающуюся от античного прототипа самым главным - не просто невозможностью, но и нежеланием вернуться» [3]. В стихотворении «Я как Улисс» звучит мотив бесприютности, вынужденного блуждания, изгнанничества «... как новый Ганимед хлебну зимой изгнаннической чаши» [1]. Образ «изгнанническая чаша» отсылает к судьбе Ганимеда, похищенного Зевсом для прислуживания ему виночерпием.

В произведении «Стансы городу» (1962) 22-летний поэт, как бы предвещая своё будущее, пишет:

*Да не будет дано
умереть мне вдали от тебя,
в голубиных горах,
кривоногому мальчику вторя.*

Это доказывает, что изгнанничество по Бродскому это не только физическое расставание с каким-либо пространством, но и состояние души. Поэт с детства ощущал себя одиноким, непонятым. В подтверждение сказанному, вспомним, что Бродский бросил школу в 15-летнем возрасте, скорее из-за нежелания подчиняться школьной рутине.

Цикл «Письма римскому другу» (1972) написан за три месяца до вынужденной эмиграции. Автор излагает свои мысли от лица Марциала, известного римского поэта и автора эпиграмм. Марциал, как и Бродский, проживал в Риме и впоследствии выбрал добровольную эмиграцию в провинцию. Лирический герой мечтает поселиться у моря, отгородившись от государства, чего в реальности добиться был не в состоянии.

*Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.*

Мы видим, что в понимании Бродского изгнанничество – это не только *пребывание человека в вынужденном удалении из пределов какой-либо территории*, но и добровольный уход.

Изгнание лирического героя также интерпретируется как расплата за дар поэзии. Бродский воспринимает себя как «поэта-изгнанника», продолжая традицию Овидия, Данте, Мандельштама.

В стихотворении «Декабрь во Флоренции» (1976) описывается изгнание лирического героя. Флоренция, в которой он находится, архитектура, связанная с историей и жизнью Данте, позволяют лирическому герою задуматься о схожести судеб поэтов-изгнанников и о причинах их отвержения современниками. Бродский сравнивает архитектуру Флоренции с архитектурой Петербурга, сквозь облик итальянского города видит русскую северную столицу; культурная география формулирует проблематику стихотворения, по ходу развития сюжета дополняясь мотивами странничества, изгнания и одиночества [2].

*Есть города, в которые нет возврата.
Солнце бьется в их окна, как в гладкие зеркала. То
есть, в них не проникнешь ни за какое золото.
Там всегда протекает река под шестью мостами.
Там есть места, где припадал устами
тоже к устам и пером к листьям. И
там рябит от аркад, колоннад, от чугунных пугал;
там толпа говорит, осаждая трамвайный угол,
на языке человека, который убыл.*

С течением времени мотив изгнанничества в поэзии Бродского трансформируется. В поздних текстах он обретает более универсальные черты: изгнание – не столько из родины, сколько из времени, памяти, прошлого «я». Поэт оказывается чужим не только на чужбине, но и среди «своих» - изгнанничество становится онтологическим состоянием.

Мотив изгнанничества в лирике Иосифа Бродского многослоен и универсален. Он отражает не только трагедию разрыва с родиной, но и философское восприятие поэтом своей исключённости из мира. Эта исключённость не ослабляет голос Бродского, а, напротив, придаёт ему силу и независимость. Его поэзия демонстрирует, что изгнанничество может стать источником эстетической и духовной свободы, местом, где рождается подлинное слово.

В целом, мотив изгнания в стихотворениях Бродского – это не только метафора физического удаления от дома, но и символическая отрешённость от всего привычного и понятного, поиска смысла и истины, особенно в контексте его размышлений о личной утрате и поисках нового «места» в мире.

Литература

1. Бродский И. Сочинения: в 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 2. 440 с.; Т. 3. 312 с.; Т. 4. 432 с.; Т. 5. 376 с.; Т. 6. 456 с.
2. Гурленова Л. В., Смирнова Д. М. Об интертекстуальности поэзии И. Бродского: зарубежные претексты лирики поэта // Мниж. 2024. №12 (150). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-intertekstualnosti-poezii-i-brodsкого-zarubezhnye-preteksty-liriki-poeta> (дата обращения: 14.06.2025).

THE MULTIDISCIPLINARY JOURNAL OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

VOLUME-5, ISSUE-6

3. Подгорская А.В. Образ России в творчестве Иосифа Бродского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №3-2 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-v-tvorchestve-iosifa-brodskogo> (дата обращения: 20.06.2025).
4. Свободная О. Метаморфозы изгнанничества. <https://proza.ru/2008/05/10/327>
5. Янгфельд Б. Язык есть Бог: заметки об Иосифе Бродском. М.: Астрель; CORPUS, 2012. 368 с.

